

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, МОДЕЛИ и РЕАЛЬНОСТЬ

Исследуется проблема адекватности экономической теории при разработке мер экономической политики, а также особенности модификации аппарата экономической науки на вызовы, которые готовит ей изменяющаяся социальная реальность, когда закон такого изменения не удается точно установить. Обозначена роль принципа презумпции теории М. Олсона и расширения теории Дж. Коммонса, как институциональные критерии оценки эффективности изменения экономического знания. Показаны объективные ограничения экономической науки в трактовке реальных событий, особенно в части прогноза кризисных явлений, институциональной трансформации и на примере российской экономики выявлена негативная роль фетишей и стереотипов макроэкономической политики, черпающих силу из теоретических зависимостей или установок, которые далеки от реальности. Сформулирован ряд требований к процедуре формирования экономической политики, исполнение которых позволит устранить негативное влияние устаревших, не отвечающих реальному положению дел стереотипов экономической науки, приблизив реальность, факты и их современные теоретические обобщения. Тем самым показаны возможности обновления экономического знания на основе новых фактов, изучены попытки обновления современной неоклассической макроэкономики за счет поведенческой компоненты микроуровня, что не даст настоящего обновления макроэкономических подходов, поскольку не учитывает выделения определяющего влияния технологий, институтов, структур. Показаны возможности монетарной теории, исходя из дихотомии Фишера — Шумпетера, повлиять на макроэкономическую теорию и формирование инструментов денежной политики.

1. Принцип «презумпции» и «расширения» теории: провал базовой дихотомии и возможности экономической науки

Экономическая наука расширяет свой объем знаний о происходящих изменениях год от года. Накопленный значительный массив этих знаний порождает узких исследователей-экономистов, которые не претендуют на высокий специальный профессиональный уровень в других вопросах этой же науки. Одновременно, все чаще слышатся голоса, что экономическая наука и ее представители ничего не решают, не умеют предотвратить кризис. Следовательно, низка цена подобного расширения знания, неадекватного расширению хозяйственной системы. Наука должна решать проблемы, возникающие в процессе функционирования экономики, а не только устанавливать какие-то взаимосвязи, которые на самом деле могут быть слабы или не так значимы с точки зрения экономического развития, по крайней мере, существенно измениться с течением непродолжительного времени. Иные факторы могут оказаться сильнее, просто их вес никто не учиты-

вает. Либо агенты, отвечающие за формирование экономической политики, выстраивают систему мер политики на основе некоей теоретической доктрины, согласно которой действуют такие-то факторы, условия. Если данный подход применяется длительно, то авторы экономической политики могут не заметить, что изменились веса этих факторов, да и условия уже другие, а политика остается все той же, в своей первооснове — в таком случае — она может провоцировать ухудшение системы, без понимания причин ухудшения лицами, проводящими эту политику. Здесь даже не рассматривается вариант, когда эти лица могут быть крайне заинтересованы в данной политике, и только прикрывать ее некими теоретическими положениями, безжизненность которых ими вполне можно прекрасно понимать. Это эффект аффилированности экономической политики. При этом отдельные цели политики могут достигаться и рассматриваться ее творцами и проводниками как успех предпринимаемых действий. Такого рода ошибки и заблуждения хорошо известны в истории экономической науки и политики, но они не уберегают от повторения.

Фундаментальная методологическая проблема экономической науки состоит даже не в том, что аппарат преодоления сложности социальной жизни имманентно ограничен. Это является объективным условием, как и трудности в описании факторов, определяющих экономические изменения. Существо проблемы кроется в том, что каким-либо образом установленные факторы требуют подбора инструментов воздействия на них, и здесь кроется основная часть методологических трудностей. Экономическая наука с большим трудом может определить необходимые инструменты воздействия и предвидеть отдаленные последствия применения тех или иных инструментов. Если имеется некий набор факторов $F = \{f_1, f_2, \dots, f_n\}$, то ему почти невозможно точно сопоставить набор инструментов $I = \{i_1, i_2, \dots, i_m\}$, где $n = m$, в общем виде $n \neq m$, к тому же один и тот же инструмент может оказывать различное влияние на различные параметры экономической системы, например, усиливать влияние f_1 и f_2 , но ослаблять действие факторов f_7 и f_{10} . Теперь представим, что изменяется набор факторов, значит должен измениться и набор инструментов, способных воздействовать и изменить значение факторов или параметров системы в необходимом для общества направлении. И здесь возникает масса проблем, а какое направление необходимо для общества, ведь оно не однородно и складывается из различных групп, имеющих разные интересы. Необходимо ли исходить из конфликта этих интересов при принятии правительственных решений, либо достаточно некоего объективного критерия эффективности, например, той абстрактной точки равновесия, которая в неоклассической экономической теории признается точкой наиболее целесообразного распределения ресурсов и доходов.

Диверсификация аппарата науки позволяет справляться с ростом сложности экономических систем. Экономическая наука имеет вполне достаточные возможности для исследования экономических изменений, закономерностей развития, эффективности и обоснования принимаемых решений. Для этого она способна расширять предметные области исследования, следовательно, области познания, устанавливать связи между параметрами экономической системы, объектами, устанавливать новые закономерности, эффекты, явления, не манипулируя терминами и переставляя акценты, как это часто бывает с большей регулярностью в последнее время, а также развивать аналитический аппарат за счет комбинирования методов познания экономических явлений, совершенствования измерительных процедур, статистики, учета, осознания собственных внутренних ограничений, устанавливающих границы понимания и познания, включая и тот факт, что наука должна изменяться соразмерно с общественными изменениями. Это нельзя не учитывать при формировании экономического знания, создании различных моделей.

Верификация экономического знания представляет собой сложный процесс, который не сводится только к определению достоверности прогноза, а состоит в верификации каждого участка алгоритма получения и применения экономического знания, причем каждый

участок обладает своим собственным свойством верифицируемости. Принцип демаркации К. Поппера, соперничество парадигм или исследовательских программ являются условиями, которые стоит принимать во внимание, особенно относительно научно-исследовательских программ, но они уже, особенно «правило демаркации», не могут быть критериями верификации. Ставка на важность допущений или исходных аксиом, модели человека, также способна сузить горизонт адекватности экономического знания, так как человек изменяет модель поведения по мере использования и накопления знания — это динамический процесс, который не может требовать статичного одного или двух допущений, за исключением некоей простой ситуации, где это действительно необходимо. Главная проблема для экономической науки и состоит в том, что методологи не могут договориться, что считать научным, а что нет. Проблема в применении экономического знания и критерии верификации. Мне представляется важным выйти из такого спора, обретающего во многом схоластическую стилистику и обратиться к исходным задачам экономической науки, находящим точки приложения в конкретных проблемах развития общества. Важны не исходные аксиомы и модели человека, а устанавливаемые связи между параметрами системы.

Снижение потенциала ряда проблем при использовании аппарата экономической науки будет однозначным подтверждением и одновременно верификатором того, что экономисты не зря едят свой хлеб, пусть он и очень скудный, а местами и не пропечен. Наука должна точно воплощать, как минимум, семь параметров: точно формулировать цели, очертить область приложения усилий (предмет, объект), расширять функциональное разнообразие, либо его контролировать, отвечать критерию времени и издержек, обеспечивать внутреннюю и внешнюю устойчивость (как минимум два контура верификации знания). Снижение точности знания происходит в силу трудностей, возникающих хотя бы по одному либо по группе, или всем параметрам сразу. Поэтому методологическое совершенствование аппарата науки должно быть направлено на снятие интеллектуальных напряженностей по указанным направлениям.

М. Олсон сформулировал принцип презумпции экономической теории [2]: та теория справедлива и должна быть принята за основу анализа, которая объясняет как можно больше, как можно меньшими средствами. Модель, которая не может дать объяснения, кроме описания опыта экономического роста отдельных стран, или должна стать слишком сложной, чтобы объяснить какой-то минимально необходимый процесс или явление, должна быть отвергнута в пользу теории или модели, дающей широкое объяснение с минимальными средствами, включая и затраты на ее разработку. В условиях скоростного расширения экономики и экономических знаний это правило функционирования экономической науки может оказаться в определенной степени полезным, с поправкой на то, что считать должным объяснением или широким объяснением, как выставить веса значимости объясняемых явлений и самим

объяснениям. Кроме того, важна проблема времени, как будет изменяться объяснение на коротком и длительном отрезке времени, нужна ли экономической науке эволюционная теория?

Такая теория имманентно охватит какой-то период времени, который нам будет казаться продолжительным, но, с позиций эволюции, таковым не является. Кроме того, истинность такой теории определится не столько теми факторами, которые она рассмотрит и взаимосвязи между которыми установит, а тем, насколько ей удастся установить принципы эволюции, которые на существенном периоде времени сохранятся и будут обеспечивать эту эволюцию. Полагаю, что здесь важен институциональный анализ правил, отвечающих за изменение институтов, технологий, индивидов и экономических организаций. Экономические изменения имеют историческую детерминацию, важно установить повторяемость явлений на различных исторических интервалах, но факт установления повторяемости мало что даст, так как важно то, по какой величине отслеживается повторяемость, эта величина количественная, а качество системы может не повторяться. Более того, оно, как правило, не повторяется. Тогда уместно задуматься, какую же теорию считать успешной, какое объяснение принять за отправную точку для движения в рамках экономической науки. Определение этой точки представляет собой формирование своего правила, того, которое определит и выводы, потому как исходные допущения часто предопределяют выводы.

Дж. Коммонс, ссылаясь на Т. Веблена, утверждал, что теория достигает своего предела, когда все движущие факторы экономики можно зафиксировать с помощью уравнений, и если при эксперименте окажется, что уравнения отвечают фактам, то это будет пределом теории, высшим достижением [1, С. 400]. Проблема в том, что любое уравнение и модель дают все-таки описание, но не объяснение причин, почему происходят такие изменения и как меняется именно такой набор факторов, как перестраиваются сами факторы и изменяется их значимость, то есть вес. Иными словами, исследователя интересует соответствие математической предпосылки фактам, но связь и изменение причины и следствия обычно остаются вне зоны пристального внимания.

Принципы механицизма, ограниченности ресурсов и вводимой статичной нормы являются правилами выстраивания классического экономического анализа. Следовательно, экономическая наука в варианте «мэйнстрима» сама является отражением правил и условий, которые помогают решать локальные задачи, а иногда и получать обобщения системного характера, либо переносить такие выводы на всю систему (часто неадекватно). Применение названных принципов порождает необходимость контроля, при этом Дж. Коммонс называет все феномены человеческой воли «искусственными», противопоставляет

«искусственный отбор» и «естественный отбор» [1, С. 402]. В этом противопоставлении заложен важный смысл, который ограничивает возможности применения сугубо биологических аналогий в экономике, но и «не льет воду» исключительно на механические аналогии. Экономическая эволюция — это изменение власти и контроля за ограничивающими факторами. Технологическое и институциональное развитие, подтверждают этот тезис. Индивиды, фирмы, государства (политические системы) имеют цели, их функции состоят в том, чтобы подбирать инструменты и использовать цели других субъектов хозяйства для достижения собственных целей. Это будет верхом управления, когда индивид или фирма, достигая своей цели, обеспечат достижение общих целей. И дело здесь не в том, что это представление, по сути, принципа «невидимой руки» Адама Смита, а в том, что конфликт целей и взаимоисключающий характер делает задачу минимизации издержек этого конфликта центральной для экономического анализа и экономической организации.

По существу соперничество в экономике в институциональном значении («институциональное соперничество») разворачивается по поводу обладания политической (физической в представлении Коммонса), экономической власти и власти морально-нравственных институтов (неформальная часть власти) и формальных институтов (правовая и судебная власть, которую следует отличать в современном обществе от политической власти). Государство (правительство), суд, фирмы и формальные и неформальные институты (включая культурные, религиозные организации) составляют общий механизм «институционального» принуждения. Изменения в этом механизме, а также во взаимосвязи его элементов характеризуют изменения в экономической системе. Способ реализации властных воздействий представляет собой также технологию, только технологию принуждения и контроля, иными словами, технологию управления, поскольку управление нельзя осуществлять, не имея некоторой власти над объектом управления. Эффективность всего этого механизма определится состоянием объекта управления, его реакций, способностью к адаптации к действующим институтам и силам убеждения — принуждения¹.

Любая наука занимается поиском истины, но что считать истинным, что ложным, когда экономика изменяется, значит, изменяется и истина. Я бы назвал это принципом «изменчивости истины». В итоге, экономический анализ устанавливает факты, которые и составляют истину, но сами факты изменяются, они действительны только на ограниченном отрезке времени и не действительны на следующем отрезке, то же относится и к взаимосвязи базовых параметров экономической системы. Правительство в силу наличия такого эффекта может продолжать сокращать денежную массу тогда, когда ее надо увеличивать, так

¹ Эта возможность определится тем, насколько привычки индивида конфликтуют с принудительной силой. Проблема анализа здесь состоит в том, что принудительная сила сама способна формировать некоторые привычки. В связи с чем, анализ с позиций рутин фирмы, а также привычек (последний проводится старым современным институционалистом Дж. Ходжсоном), представляет интерес, но только как некая экономическая задачка-упражнение, так как этот анализ не дает понятных, измеримых результатов, довольно громоздкий, концептуально и философски сложный, противореча принципам презумпции теории.

как изменилось истинное положение вещей. Более того, оно изначально могло быть иным. Здесь высокое значение приобретает критерий, согласно которому принимается решение. Но и факты разнородны, часть из них действительна длительное время. Как согласовать эти факты во времени. Если истина изменчива, а наука осуществляет поиск истины, то возникает ситуация, когда эта истина уплывает от исследователя, и он может довольствоваться только приемлемым или ориентировочным решением.

Экономическая теория призвана, чтобы прояснить проблему изменения благосостояния в различных экономических организациях, определить эффективность функционирования этих организаций и предложить, точнее, обосновать инструменты, наиболее пригодные, чтобы воздействовать на экономическую систему и переводить ее из одного в другое состояние, признаваемое лучшим. Цели общества и цели экономической науки, изучающей изменения в обществе, связаны институционально и посредством индивида. Обнаруживая одни модели поведения относительно денег и вообще материальных вопросов, индивид, занимающейся наукой, в рамках своего занятия и ограниченных функций, которые это занятие определяют, проявляет совершенно другую модель поведения, иной стилистики и содержания. Общим итогом становится контроль над природой, ресурсами, другими людьми, социальными институтами, производством, технологией. Таким образом, социальная эволюция, во всяком случае, та, которую мы знаем и наблюдаем, представляет неуклонный процесс концентрации и расширения власти над различными элементами экономической системы. Расширение — это и есть распространение контроля. Выбор между альтернативами, согласно Дж. Коммонсу, считается бесплатным, обеспечивается так называемым коэффициентом возможностей², следующий выбор — это уровня власти, наиболее дорогой из всех, стоимость этого инструмента может быть ограничена воздержанием, то есть принятием минимального уровня контроля [1, С. 47]. В такой довольно усложненной трактовке он получил наименование «принципа расширения» Дж. Коммонса.

Принцип расширения постулирует вектор эволюции экономической системы, но он не может объяснить, под воздействием каких сил происходит изменение эффективности развития, и какова траектория этого развития на рассматриваемом участке времени. Неужели закономерный характер смены фаз развития (от первобытной до социалистической) является предрешенным вариантам траектории развития, и в дальнейшем так же форма общественного устройства всецело определяется состоянием производительных сил — технологиями, рассматриваемыми в широком значении как технологии производства, потребления, обмена, распределения и управления. Ориентируясь на власть и контроль, расширение описывает фактор «управление». Однако этот фактор не может расширяться сам по себе без увеличения объектов контро-

ля, то есть без расширения производства, обмена, потребления и распределения.

Экономическая политика способна повысить или понизить эффективность институтов, траектории развития системы. Связь между инструментами и изменяющимися факторами развития слабо изучена, основные усилия были направлены на установление количественных изменений, которые заданы экономическим ростом. Количественные изменения со временем приводят к качественным изменениям, но современная экономика, с учетом информационного фактора, уже подтверждает, что эти два вида изменения происходят синхронно и качественные изменения перестали быть такими, которые распознаваемы только на длительном интервале. Возникли эффекты скорости изменений на коротких интервалах времени, что модифицирует известные теоретические соотношения и принципы экономической политики. Пренебрежение этим обстоятельством явно действует не в сторону повышения эффективности правительственных действий, которые сами стали генератором таких скоростных изменений.

Если экономическая система подвержена тем или иным кризисам, то трудно говорить о ее стабильности. Под стабильностью можно понимать возможность системы сохранять общую динамику жизненно важных параметров, не допуская резкого изменения этих параметров и вектора развития. Следовательно, кризисы являются феноменами, ярко высвечивающими нестабильность экономической системы или ее отдельных подсистем, если речь идет о локальных (конвергентных) кризисах. Безусловно, кризисы провоцируются разными причинами, но вся совокупность причин может быть сведена к тем институтам, которые своей негибкостью не позволяют вовремя разглядеть кризис и применить демпфирующий инструментарий. Не случайно, последствия любых кризисов во все времена обычно преодолевались за счет институциональных изменений — законодательных, введения дополнительных законов, запретов, ограничений как во время Великой депрессии в 1930-е годы. Либо изменениями режима валютной системы и финансовой или банковской системы при валютно-финансовом кризисе, либо организационными или налоговыми изменениями, которые возникли в период Великой стагнации 1970-х годов и с началом либеральной эры 1980-х привели к необходимости якобы стимулировать совокупное предложение, пренебрегая теорией капиталистического кризиса перепроизводства. Так менялась реальность, и изменялись подходы гашения кризисов, но абсолютно ничего не сделано по их предсказанию и элиминации на начальных фазах возникновения.

Как показал кризис 2007—2009 гг., теория эффективного рынка Юджина Фама, модель оценки долгосрочных активов (САРМ), к сожалению, слабо объясняют, что происходит на финансовых рынках и в экономике, поскольку не учитывали два фундаментальных условия:

² Коэффициент возможностей — это относительный показатель излишка. Мое видение излишка и использование его для оценки эффективности экономики см. подробнее в книге: «Теория эффективности экономики» [4].

1) наличие институтов и институциональных эффектов (траекторию институциональных изменений, эффективность базовых институтов, проблемы регулирования);

2) психологические модели агентов экономики и их изменение (иррациональность, альтруизм, эффект стадного поведения, доверие и недоверие, иррациональное расточительство, так называемую интенциональность агентов, экономику идентичности и т. д.).

К тому же, все современные теории финансового рынка не учитывают структурных и институциональных проблем развития финансовой и производственно-технической систем экономики, включая аспекты их собственной институциональной организации. Не учитывает этого обстоятельства и П. Кругман, предлагающий лишь реанимацию кейнсианских процедур восстановления экономики, без учета институтов, психологических моделей поведения, структурных проблем экономической системы.

С одной стороны, и неоклассика, и кейнсианство учитывают психологию агентов при построении своих моделей. В частности, теория адаптивных и рациональных ожиданий базируется на оценке разной психологической реакции агентов на те или иные регулирующие воздействия правительства. В кейнсианстве используемое представление о склонности к сбережению, мотивах предпочтения ликвидности — это сугубо психологические объяснения экономических явлений, включая и такое ярко очерченное Дж. М. Кейнсом понятие, как «ликвидная ловушка». Однако, с другой стороны, указанные явления изменяются с течением времени под воздействием интегрального взаимодействия различных факторов и институциональных условий, а как это сказывается на содержании макромоделей, формируемых в рамках одного и другого направления экономической науки, не вполне понятно. Поскольку речь сегодня ведется о том, чтобы включить финансовые рынки в макроэкономические модели, следовательно, именно ряд важнейших психологических реакций и моделей поведения рынков просто не учитываются современными макроэкономическими моделями. Это потребует изменения рамочных условий моделирования и включения инструментария институциональной теории и экономической психологии в используемые макроэкономические доктрины. Забегая вперед, хотел бы отметить, что появляющиеся работы в рамках так называемой «новой макроэкономики», имеется в виду работа Дж. Акерлофа и Р. Шиллера, а также работа Дж. Акерлофа и Р. Крэнтон, которые вводят эффект мультипликатора доверия, как условие, воздействующее и определяющее совокупный спрос, либо претендуя на новизну, вводят так называемую «экономику идентичности» во многом ошибочны и несостоятельны в силу того, что являются полшагом или, применительно ко второй работе, придумкой велосипеда, когда он давно используется экономистами, с удивлением наблюдающих на претензии Дж. Акерлофа и Р. Крэнтон на новизну, связанную с учетом установок и норм, определяющих мотивы поведения агентов и условия их жизненной траектории и выбора. Причем о проблеме макроэкономического

суммирования таких эффектов, они умалчивают, как и о связи с проблемами управления.

Стоит отметить, что экономическая наука применяла различные аналоги и создала за свою историю различные модели, помогающие описать и понять функционирование хозяйственной системы. За довольно большой исторический период сформировались два магистральных направления — это неоклассика и кейнсианство, которые разошлись на предмет управляющих воздействий и описательного аппарата экономических изменений. Спор между ними был реанимирован на рубеже 2007—2009 гг. в известной экономической литературе. Но модели и работы в области экономической науки к счастью значительно богаче этих двух направлений.

Перечислим те базовые методологические подходы, которые использовались в рамках различных теорий, школ, доктрин, для описания и объяснения эффектов экономического роста, накопления и распределения богатства.

1. Физические аналогии (статическое равновесие; кейнсианские, неоклассические модели, включая одно-, двух- и трехфакторные модели развития). Представители кейнсианского направления: Р. Харрод, Е. Домар, Дж. Робинсон, Р. Кан, Н. Калдор, П. Дэвидсон, Р. Пребиш, Р. Нурксе, Х. Лейбенштейн, А. Хиршман (теория «порочного круга» и «большого рывка»), Н. Картер, Х. Ченери, А. Страут (модель роста с двумя дефицитами), Б. Хикман и Р. Коэн (отклонения от равновесного роста $I \neq S$), П. Сраффа; неоклассического: Р. Солоу, Р. Лукас, Д. Ромер, Г. Мэнкью, Д. Уэйл, У. А. Льюис, М. Тодаро, Дж. Фей, Г. Ранис, Ф. Агхион, П. Хоуитт и др.

2. Биологические аналогии (динамическое равновесие; модели роста популяций, модель Лотки — Вольтеры, демографические модели).

3. Химические аналогии (брюсселятор И. Пригожина, модели кинетики реакций и др.).

4. Социологические аналогии (исследование групповой динамики, поведения масс, закономерности стадного поведения, метод социал-конфигураций и т. д.).

Отдельно можно выделить два актуальных направления экономической науки, пользующихся всеми видами аналогий:

а) синергетический подход (экономическая синергетика, кибернетика) и теорию системной динамики (усиление или ослабление роста за счет взаимодействия различных элементов растущей системы, модели роста, предполагающие комбинированное применение различных аналогий, Г. Хакен, Б. Занг, Дж. Форрестер, Месарович, Пестель, Р. Мидоуз, отдельно можно выделить С. Бира с работами по экономической кибернетике);

б) институционально-эволюционный подход (влияние институтов на экономический рост и долгосрочную устойчивость социальной системы, проблемы циклической динамики; в эту группу условно отнесем модели развития и экономики благосостояния — А. Сен, Дж. Роулз, А. Пигу). Представители: Я. Тинберген, Г. Мюрдаль, Т. Шульц, Э. Денисон, У. Росту, С. Кузнец, Е. Шумахер, Э. Сото, Г. Бесли,

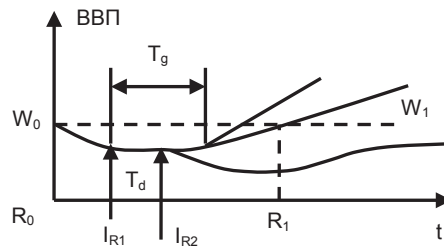

Рис. 1. Временной лаг институциональных изменений

Р. Бургес, Э. Янг, Й. Шумпетер, Р. Нельсон, С. Уинтер, Дж. Силверберг, Б. Верспаген, Дж. Доци, П. Савиотти.³

Неоклассика и кейнсианство используют идею статического равновесия и отклонения от него, хотя, безусловно, динамический аспект ряда задач здесь присутствует.

Неоклассическая и кейнсианская теории охватываются следующим набором предположений, допущений и установок анализа (представим их в самом обобщенном виде):

Неоклассическое направление анализа.

1. Цены факторов производства сохраняют долгосрочную гибкость.

2. Динамика цен обеспечивает замещение факторов производства, что отражается в производственной функции.

3. Экономика имеет тенденцию к полной занятости.

4. Присутствует совершенная конкуренция.

5. Реальная ставка процента равна предельному продукту капитала, а заработная плата предельному продукту труда.

6. Технический прогресс является экзогенным, определяемым накоплением капитала.

7. Фактически исключается проблема нестабильности экономического роста, возникающая в кейнсианских моделях.

Кейнсианское направление анализа.

1. Рассматривает проблему неполной занятости и нестабильности экономики.

2. Инвестиции и сбережения играют «двойную» роль: являются частью совокупного спроса и своеобразной добавкой к основному капиталу.

3. Ловушка ликвидности и неэластичность инвестиций по ставке процента определяют динамику развития, роста экономики.

4. Инвестиционная функция лежит в основе моделей накопления, в которых инвестиции в основной капитал определяют сбережения (Кембриджская школа: Дж. Робинсон, Н. Калдор, Р. Кан, П. Сраффа, Л. Пазинетти и др.).

Обратим внимание, что структурно-институциональные факторы и неэффективность экономической системы нигде не находят своего отражения в указанных доктринах. Если выделить три типа депрессии экономики: общеэкономическую (спрос — предложение), трансформационную (институциональные, организационные изменения), смешанную, то названные теории предлагают объяснение исключительно

для первого типа депрессии, но абсолютно ничего не говорят о втором и тем более третьем типе кризиса. При этом экономическая депрессия может быть вызвана особым типом кризиса — финансовым, который возникает в соответствии с логикой «пузыря», правила Понци, и не детерминирована совокупным спросом и предложением. Спрос может оставаться высоким, но в результате эффекта исчезновения финансов в силу коллапса финансового рынка (пирамидальная структура), он оказывается неудовлетворенным.

Высокая скорость институциональных изменений и возникновение смешанной депрессии, то есть трансформационной, общеэкономической и спровоцированной схлопыванием финансового рынка, требует нетривиального подхода при разработке макроэкономической политики, учитывающего механизмы и эффекты введения новых институтов и реакции агентов, в том числе на институциональные модификации.

Чрезвычайно важны следующие вопросы: ввод новых институтов в период депрессии, либо трансформация институтов как провокатор депрессии — обеспечат ли будущий рост? А ввод институтов в период роста — не станет ли тормозом этого роста?

Институты определяют модель хозяйственного поведения — новатор, консерватор, имитатор, но степень влияния остается не ясной до сих пор (взаимодействие разнородных групп агентов — структурный анализ). Как раз в это существенный вклад может внести экономическая психология, основное назначение которой видится мне в том, чтобы помочь в объяснении и анализе реакций агентов на регулирующие воздействия в рамках макроэкономической политики.

Институты влияют на развитие, но современный экономический анализ не дает ответа на вопрос о временном лаге такого влияния (рис. 1).

Возможная траектория развития экономики страны при институциональной трансформации показана на рис. 1. В моменты времени осуществляются институциональные корректировки I_{R1} и I_{R2} , но приведут ли они к траектории роста через T_g или, наоборот, обеспечат еще большее углубление трансформационного кризиса, зависит от сочетания суммарного эффекта данных воздействий. В эти моменты представлена ситуация введения институтов (кстати, они могут быть и заимствованы), то есть формальных правил, имеющих законодательное значение и императивное следование, обладающих некоторой силой принуждения. Эти введения могут наслаиваться друг

³ Конечно, эта классификация не вполне полна и условна, но, тем не менее, ключевые методологические подходы она отражает.

на друга, то есть институты, вводимые с интервалом $T = I_{R2} - I_{R1}$, могут усилить или ослабить друг друга, либо же не повлиять друг на друга, хотя могут иметь самостоятельное влияние на экономических агентов. Возможна и ситуация, когда ни первый, ни второй институт не окажут никакого действия на мотивацию и соотношение выгод — издержек агентов. В этом случае институциональная коррекция окажется нейтральной относительно экономики, либо будет замещена возникновением неформальных институтов, которые никто не вводит, потому что они возникают самостоятельно и, если вводятся, то добровольным следованием им агентов. Специфика неформальных институтов в том и состоит, что у них нет автора, в то же время, большинство агентов начинают следовать этим институтам, как цели, устанавливающим и определяющим поведение нормам.

Институты могут не только структурировать обмены, снизить издержки трансакций, но и увеличивать их, а также не только снижать, но и увеличивать издержки спецификации прав собственности. Иными словами, возможны такие явления, как дисфункция институтов, институциональная «чехарда» (наблюдаемые в России в 1990—2000 гг.), что провоцирует высокую степень дезорганизации системы и низкий уровень управляемости.

2. Экономическая наука в трудной ситуации

Экономическая наука в начале XXI века находится в весьма сложном положении.

Во-первых, ей не удается дать более или менее точного долгосрочного прогноза происходящих социальных изменений.

Во-вторых, объяснение текущих мер экономической политики страдает явной односторонностью и сводится, в основном, к настройке денежно-кредитного и (или) фискального механизма. Причем оба эти инструмента воздействия на экономическую активность применяются без учета кумулятивного эффекта эволюции хозяйственной системы.

В-третьих, экономическая наука имеет большие трудности в описании мировых процессов и тенденций, в частности, глобализации, хотя бы потому, что не только не предсказывает возникновение и ход этого процесса, но и не может описать его закономерности и предполагаемые последствия. При этом многие факты общественной жизни не находят объяснения в рамках существующих теоретических доктрин. Возникает ощущение, что пересмотр международного порядка, происходящий в рамках явления глобализации, не только изменяет качество экономических отношений, но и лишает экономическую науку «методологической силы». Рекомендации экономистов становятся не просто малозначимыми, к ним относятся как к пустому месту. Более ценными являются резюме финансистов, банкиров, владельцев крупных корпораций, фондов, наконец, политиков и т. д. Петербургский экономический форум, объединяющий представителей мировых политических кругов, президентов, глав правительств, банкиров, финансистов, владельцев крупных корпораций является наглядным подтверж-

дением данного тезиса. Их соображения и действия определяют характер современного экономического развития. То же относится ко многим правительственным форумам, в основном, оправдывающим те действия, которые уже предприняты, и в рамках интеллигентной толерантности предписывающим еще большие улучшения, согласно знаменитому лозунгу советского периода: «будем работать еще лучше», отражающему коренные законы функционирования бюрократии в любых системах.

Причины коренятся либо в несовершенстве аналитического аппарата науки, либо в несоразмерности скорости экономических изменений и совершенствования методологических возможностей экономики как научной дисциплины. Такое состояние говорит о том, что экономическая наука испытывает трудности в описании и прогнозировании долгосрочной траектории экономического развития. Это связано с отсутствием полноценной теории развития хозяйства, под которой следует понимать не что иное, как адекватные теоретические обобщения, используемые для описания, объяснения, прогнозирования развития, а также для принятия эффективных решений. Уже сменилось несколько поколений экономистов, рассматривающих в качестве объекта исследования не «причины богатства народов», а «экономическое развитие». Однако до сих пор теоретическая база изучения этого объекта остается весьма слабой, что подтверждается высоким уровнем плюрализма, который допускают исследователи при освещении проблем хозяйственного развития.

Однако мировой финансовый кризис 2007—2009 гг. оживил дискуссию внутри экономической науки относительно ее перспектив, разрешения методологических проблем, связанных с высоким уровнем плюрализма теории, фрагментарности знаний, принимающей облик большого числа самостоятельных методик, методов и инструментов, зачастую дающих противоречивые результаты на базе одной и той же статистики, релятивизма, то есть справедливости положений для какого-то конкретного и четко обозначенного исторического интервала времени. Подобное оживление выражается в повышении активности ряда исследователей, заявляющих о необходимости создания либо теории реформ, теории кризисов и даже — общей социальной теории анализа экономических событий. Это возвращает нас к дискуссии о необходимости разработки теории экономического развития и к вопросу о том, насколько развитие согласуется с представлением о росте экономики. Данный подход в экономической науке иногда называют универсализмом, поскольку последователи идеи о создании единой теории фактически исходят из того, что может быть создано универсальное знание, объясняющее любые социально-экономические процессы и явления. При этом важно найти ответ, насколько теория сложных систем, кибернетика или синергетика могут составить интеллектуальное ядро для создания такой универсальной теории, откуда такая теория должна черпать интеллектуальную силу. Какие математические методы и приемы использовать? Каким должен быть аппарат такой теории и насколько возможно ее

сформулировать, то есть создать? Должна ли универсальная теория преодолеть «пороки» «плюрализма», «фрагментарности» и «релятивизма» экономической науки?

Почему экономическая наука нуждается в теории развития? Что экономисты вкладывают в понятие «развитие»? Может ли теория развития претендовать на роль универсальной теоретической конструкции? Если исходить из того, что различные подсистемы экономики функционируют согласно своей логике⁴, то универсальная теория должна каким-то образом увязывать эти различные логики. Только в этом случае ей удастся объяснить, описать взаимодействие и взаимное движение этих подсистем. Решение подобных теоретических задач как раз и представляет большие трудности, причем не только в рамках экономической науки, но и теории систем.

Под экономическим развитием в позитивном значении обычно понимают процесс повышения жизненного уровня граждан какой-либо страны в результате роста доходов на душу населения (в негативном — снижения, и это тоже развитие). В основе так называемого сбалансированного экономического развития лежит идея одновременного изменения определенного набора параметров во всех секторах экономики. Однако на практике невозможно поддерживать такой баланс, поэтому происходит несбалансированное развитие. В последнее время приобрела популярность идея устойчивого экономического развития, сводимая к максимизации чистых доходов хозяйственной деятельности (с учетом упущенной выгоды) при минимальных потерях природных ресурсов. Возобновляемые ресурсы должны использоваться без превышения предела их регенеративной способности, а невозобновляемые — с наибольшей эффективностью, то есть должно происходить замещение исчерпаемого ресурса неким техническим способом, заменяющим этот ресурс или сокращающим объем его эксплуатации.

Определение «экономического развития» как роста доходов на душу населения не учитывает эффекта распределения ресурсов и доходов, который способен нейтрализовать величину положительного прироста чистого дохода в экономике. Это сказывается на уровне социального развития экономики, доступа широких слоев населения к социальным функциям и в конечном итоге на степени социальной удовлетворенности жизнью.

Понятие «устойчивого экономического развития» выглядит более точным, но научное моделирование такого развития, разработка соответствующей теории — сводятся, согласно определению, к решению многовариантной задачи оптимизации и выбора. Экономическая эволюция необратима в силу кумуляции знаний, технологий, организационных достижений. Тогда возникает вопрос, касающийся задач теории развития, а также ее назначения. Какова методологическая и, если угодно, историческая миссия экономи-

ческой теории развития: должна ли эта теория уметь описывать закономерности развития, предсказывать отдельные результаты, определять эффективную траекторию, решать текущие (промежуточные) проблемы, из которых, собственно, и состоит хозяйственная эволюция. Имеются ли у экономической науки инструменты для формирования такого разветвленного когнитивного аппарата? Быть может, здесь превышаются возможности самой экономической науки и ограничением выступает интеллектуальная первооснова этой научной дисциплины. Она сводится к тому, что познающий индивид является субъектом экономической реальности и в результате размывается понятие объективного знания. Этому в большой степени способствует «природное» несовершенство эмпирической базы. В современной экономике наблюдается «кризис опыта» как доказательства научности знания.

Экономический рост является лишь проявлением хозяйственного развития, одним из его сценариев. Поскольку экономический рост становится целью государственной политики, постольку понятие роста и мероприятия экономической политики, стимулирующей рост, институционализируются, а экономисты уже не воспринимают развития без экономического роста. В подлинном смысле развитие — это изменение системы вообще, переход от одного качественного состояния к другому. По этой причине экономический рост предстает моделью развития, ее вариантом. Неэкономный рост, со значительными затратами ресурсов, может не только отрицательно влиять на развитие экономики, но и тормозить его, входить в конфронтационное противоречие с фундаментальными целями хозяйственного развития. В ходе развития экономики происходит трансформация множества целей. Это важнейший элемент развития, который обязана учесть подлинная теория. И только названные фундаментальные цели⁵ на все времена незыблемы, так как контрдействия приведут к ликвидации источников жизнеспособности человеческой популяции.

Следовательно, фундаментальные цели решают институциональную регрессию целей экономического развития и располагаются в вершине иерархической структуры целей. Таким образом, все иные цели вытекают из обозначенных «фундаментальных» и (или) должны быть с ними согласованы. Только в этом случае снижаются долгосрочные издержки экономического развития, а фактическая траектория в наибольшей степени отклоняется от потенциального хреодного (неэффективного) варианта. Кстати, хреодных сценариев может быть несколько. Поэтому возникает еще одна задача теории экономического развития, которую не ставят экономисты по причине ее чрезвычайной сложности и отсутствия надежных методов решения. Это минимизация вероятности хреодного сценария развития и ранжирование предполагаемых вариантов развития

⁴ В своей книге «Структурные проблемы экономики России. Теоретическое обоснование и практические решения» [4] я показал, в чем существуют коренные отличия эволюции финансовой и производственно-технических систем.

⁵ Под такими фундаментальными целями можно понимать цель сохранения популяции людей, национального многообразия, сохранения биологического разнообразия на планете и жизни и др.

по степени эффективности с целью недопущения самого неэффективного. Ведь особенностью хреодной траектории развития является ее вполне «успешная реализуемость». У экономистов имеются проблемы с идентификацией этой траектории, а также с указанием мероприятий экономической политики, способных переводить экономику с одной траектории на другую при отсутствии социальных потерь.

Так считать ли развитие акционерной собственности, которое происходило еще в XIX веке и приобрело значительный размах в XX веке, хреодным сценарием? Последствия развития данного института в настоящее время выражаются в укреплении позиций финансово-спекулятивного сектора, раздувании денежного мыльного пузыря — финансовых активов, представленных ценными бумагами (акциями) и не подкрепленных фондами реальной экономики. Это явление стало базисом процессов глобализации, где финансовым рынкам отведена роль центров власти и размывания национального суверенитета. При отсутствии данных организационных структур, кредитно-денежный механизм был бы теснее связан с производственным сектором, а мировой финансовый кризис 1997 г. с провокацией валютной и финансово-экономической дестабилизации, с потерей значительных объемов сбережений граждан стал бы невозможен. Конечно, в более явной форме проявлялись бы кризисы «перегрева» экономики. Разумеется, события экономической истории не могут пересматриваться, переоцениваться — изменить траекторию невозможно. Но проблему реструктуризации существующих финансовых и экономических организаций, в том числе международных институтов, требуется ставить и решать с учетом исторического контекста, с применением анализа исторических аналогий и оценки потенциальных возможностей развития по альтернативной нехреодной траектории.

Таким образом, «хреодность» как будто заложена в содержание любого экономического процесса, но важны условия, при которых сработает вероятность дальнейшего развития именно по этой траектории. Возможен вариант усиления разных исходов и появление непредзаданной (случайной) траектории хозяйственного развития. Интересно то, что фактор «управление», находящий свое воплощение в деятельности правительства и государственной политике, фактически обеспечивает как адаптацию экономических организаций к сложившемуся вектору развития, так и его переориентацию в социальном пространстве, хотя последнее обычно связано с еще большими затратами и проявлением новых хреодных сценариев.

Особая тема — это фактор времени в экономическом развитии. Для человека на сегодняшний день это невосполнимый ресурс, расходование которого сопровождается необратимыми изменениями его социально-экономической модели поведения. С общим ростом уровня благосостояния ценность ресурса времени резко возрастает, поскольку труд обладает отрицательной полезностью, а в матрице стимулов начинает преобладать социокультурная, а не сугубо потребительская составляющая. Развитие протекает

во времени и его скорость определяется выбранной шкалой времени, а точнее изменением характерных параметров в единицу времени. В ходе экономического развития возникают ситуации, при которых данные параметры испытывают специфическую динамику, отклоняясь от приемлемых значений. Так возникает экономический кризис, требующий превентивных мер с целью элиминации негативных последствий для национального хозяйства.

Поэтому еще одной функцией теории хозяйственного развития выступает предсказание и преодоление кризиса хозяйства. Судя по тому, что в мире происходят кризисы, имеющие тяжелые последствия для экономики и возникающие в достаточной степени спонтанно, говорить об успешности выполнения этой функции как на политическом уровне, так и на уровне многих экономических экспертов и теорий не приходится.

Например, Й. Шумпетер, автор широко известной книги «Теория экономического развития» полагал, что хозяйственный кризис полезен для капиталистической системы, так как является атрибутом ее развития, даже точнее, выступает своеобразным фактором развития, поскольку позволяет сконцентрировать усилия новаторам на реализации новых комбинаций в экономике, что создает новый импульс для экономической системы. Кроме того, кризис «очищает» эффективность, то есть убирает менее конкурентоспособных игроков. Безусловно, такое объяснение сегодня далеко не достаточно, поскольку кризис убирает и эффективных агентов, непредсказуемо изменяет макроэкономическую структуру, дестабилизирует многие институты, включая политические и т. п. Поэтому, с точки зрения общественного развития, вряд возможно согласиться с мнением австрийского экономиста.

Как известно, сторонники кейнсианской и неоклассической экономических школ придерживаются строго противоположных позиций относительно рецептуры преодоления кризисов. Первые выступают за наращивание государственных расходов и уровня монетизации экономики, вторые — за сдерживание расходов и денежной массы. Современный экономический анализ дает совершенно иную транскрипцию этим двум подходам. Во-первых, общий экономический результат зависит от того, какова структура расходов, какой она должна быть, чтобы оказывать стимулирующее влияние на хозяйственную систему. Во-вторых, он зависит от того, каков характер сдерживания роста денежной массы относительно состояния денежно-кредитных и иных институтов в стране. Принимая то или иное государственное решение важно представлять, какой взнос в ВВП и его темп вносит изменение потребительских расходов, совокупных сбережений, валовых внутренних, а также иностранных инвестиций, чистого экспорта. Только когда имеется взвешенная факторная основа такого влияния и ясны причины динамики создаваемого в стране продукта, можно оценить общий эффект от увеличения или сокращения расходов на конечный выпуск, изменения уровня монетизации экономики и доступности в кредитных ресурсах на функционирование различных подсистем.

В последнее время среди российских экономистов часто общественное развитие представляют не через изменение компонентов национального богатства или структуры экономики и социальной жизни, а посредством сочетания трех блоков развития — экономического, социального и экологического. Автоматически такое представление об общественном развитии является не более чем моделью общественного развития. Но, не понимая связи между эффективностью трех составляющих развития, довольно трудно оценить эффективность общественного развития в целом, даже если представлять такой показатель как отношение полученных результатов к затратам. Нарастание государственных расходов, направляемых на образование, здравоохранение, экологию, не является показателем оценки эффективности развития. Это имеет смысл, с позиций логики эпитонов данного подхода, только если доказан должный мультиплицирующий эффект, либо показано, что структурное распределение данных расходов по другим компонентам создания валового продукта менее действенно. При таком представлении, в чем и слабость данной модели, исчезает, например, научно-технический прогресс как движитель развития.

Посредством исследования изменения этого фактора можно объяснить многие общественные изменения, в частности, направление ресурсов в создание безотходных и безлюдных производств может составить магистральную линию в решении практически всех экологических проблем, повышения технологичности не только реального сектора экономики, но и всех экономических подсистем.

Таким образом, при создании моделей в экономике, какими бы сложными или простыми с точки зрения логики и математики они ни являлись, требуется исходить не только из критерия нахождения компромисса между простотой и сложностью, но и поиском компромисса между достижением целей, необходимостью развертывания теоретического знания, содержания явления, оценки состояния системы. Необходимы альтернативны на уровне схем, моделей, теорий и практических решений, чтобы была возможность развернуть специальную работу по отбору наиболее адекватного варианта модели и политики на каждом интервале времени. Гибкое и научно-проектное управление на макроуровне системы представляет в этой части большую перспективу в современном обществе.

(продолжение следует)

Олег СУХАРЕВ,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. Коммонс Дж. Правовые основания капитализма. — М.: ГУ — ВШЭ, 2011.
2. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и бюроклероз. — М.: Новое издательство, 2013. С. 154.
3. Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России. Теоретическое обоснование и практические решения — М.: Финансы и статистика, 2010. с. 192.
4. Сухарев О. С. Теория эффективности экономики. — М.: Финансы и статистика, 2009.